ИГОРЬ БУТМАН: «СЧАСТЛИВ, ЧТО ИСПОЛНЯЮ МУЗЫКУ, КОТОРУЮ ЛЮБЛЮ!»

Знаменитый музыкант признается, что его всегда тянуло на Запад.

Известный российский джазовый саксофонист Игорь Бутман стал гостем II фестиваля «Дни российской культуры» в Германии, который прошел в конце апреля в Баден-Бадене, а также еще в 10 городах Германии и Франции.

27 апреля Игорь Бутман выступил в Баден-Бадене с сольным концертом в сопровождении Московского государственного джазового оркестра. А джазовая композиция, исполненная музыкантом на открытии фестиваля, вызвала восторг и овации публики, настолько страстно, искренне и в то же время бесконечно грустно играл саксофонист. С Игорем Бутманом, которого бывший президент США Билл Клинтон в своих мемуарах назвал лучшим из современных джазовых музыкантов, побеседовали наши корреспонденты.

- Игорь, вы много лет жили в Америке, а какие отношения связывают вас с Германией?

- До определенного момента у меня не было никаких связей с Германией, пока ваши коллеги-журналисты с Первого канала Российского телевидения не раскопали мою родословную. И выяснилось, что моя прапрапрабабушка, портрет которой всегда висел у нас дома, но мы не знали, кто на нем изображен - Мария Яковлевна Гилленшмидт. По происхождению она, скорее всего, из курляндских немцев. Поэтому с этого момента у меня еще больше стало любви и уважения к этой стране. Я чувствую себя немцем.

- Насколько серьезна джазовая культура Германии? С какими немецкими музыкантами вам приходилось играть?

- Есть прекрасные немецкие музыканты, со многими из которых я играл: например, с барабанщиком Кристианом Шойбером. Есть очень известный трубач Тиль Бреннер и другие сильные, интересные музыканты. Джаз здесь живет и развивается, есть известные клубы, в Берлине, в том числе. Познакомился недавно с двумя очень хорошими джазовыми молодежными оркестрами - во Франкфурте и в Кельне. Есть много наших эмигрантов, которые осели здесь и выступают: Семен Набатов, и, конечно же, знаменитый пианист и композитор Леонид Чижик, он в Мюнхене живет.

- Немецкая публика достаточно темпераментна?

- Публика везде прекрасная, ее реакция зависит только от того, как артист играет и исполняет. Хороший музыкант – хорошая публика, плохой - и слушатели неважные.

- Два дня назад в рамках ежегодного джазового фестиваля в Леверкузене выступил ваш коллега – Вадим Эйленкриг…

- Вадим – замечательный трубач, выдающий мощный и красивый звук. Он играл дуэтом с замечательным пианистом Антоном Барониным, работавшим с нами двенадцать лет. Иногда он выступает и с Вадимом, а иногда с нами. Это дуэт двух великолепных и интересных музыкантов-виртуозов, исполняющих американские и российские джазовые стандарты, а также композиции собственного сочинения.

- В 80-х вы уехали в Америку. Что подтолкнуло к этому? Долго решались на этот шаг, обдумывали непростое решение? Терзали, при этом, внутренние противоречия? Какие аргументы в итоге перевесили?

- Уехать в Америку мечтал лет с четырнадцати, ибо строить коммунизм считал делом бесперспективным. Хотел увидеть мир и серьезно заняться джазом, поскольку в СССР у подобных коллективов больших надежд не было. Хотел познать себя, познать джаз. Если бы гражданам Союза разрешалось бы свободно выезжать за границу, может, и не решился бы на иммиграцию. Но выбора не было, и я уехал в Штаты. Правда, сделать это удалось лишь в 1987 году, несмотря на то, что попасть туда хотел гораздо раньше. Познакомился с американской девушкой, между нами возникли хорошие чувства, и я уехал.

- Америка, несомненно, повлияла на формирование вашей личности. Можно ли сказать, что вы там окончательно сложились как джазмен, или совершенствоваться в этом процессе можно безгранично?

- Америка дала мне очень много, в плане развития и понимания, как музыки, так и жизни, плюс развенчала ряд мифов. Я увидел, что на Западе живут такие же люди, как и у нас, что там имеются как сильные стороны, так и слабые. Чего-то не хватало из того, что имел в России, но было многое, к чему стремился. Главное, что я встретился с замечательными музыкантами и людьми, много играл. Это были джазмены мирового уровня, но и коллеги, с которыми я играл в СССР – Давидом Голощекиным, Геннадием Гольштейном, Николаем Левиновским, Германом Лукьяновым и другими — им не уступали.

- Как интегрировались в американский джаз? Как удалось познакомиться с мировыми звездами – Чиком Кореа, Артуро Сандавалом, Пэтом Ментени, Гроувером Вашингтоном и другими?

- Мне посчастливилось во времена перестройки познакомиться с приезжавшими в Россию джазменами. Во время джем-сейшенов я проявил себя с лучшей стороны, и ко мне относились очень хорошо. По приезду в Америку я созвонился с ними, и они меня великолепно приняли. Дэйв Брубек сказал, чтобы я немедленно взял саксофон и сыграл с ним на концерте. Аналогичным было отношение и Пэта Метени, и Гроувера Вашингтона. Учась в Бостоне, я также познакомился с рядом замечательных музыкантов.

- Много времени проводите в Москве?

- На самом деле, да. Люблю Москву и уверен: то, что я творчески тут сейчас создаю, ни в каком другом городе мира не мог бы делать с таким же успехом. На сегодняшний день я счастлив, так как нахожусь в уникальной ситуации, когда могу исполнять именно ту музыку, какая мне нравится, и она крайне востребована, я имею своего зрителя и множество друзей из спорта, бизнеса, политики, поддерживающих мои начинания.

- Многих детей родители силком затаскивают в музыкальную школу. Как было с вами?

- У меня был очень хороший педагог по кларнету в детской музыкальной школе, и, видимо, благодаря способностям у меня все получалось довольно легко. Я схватывал на лету, многочасовых, нудных занятий мне как-то не требовалось. Родители, кстати, не заставляли много заниматься, поэтому у меня и не было никакого негатива. В своей общеобразовательной школе я активно создавал ансамбли, играл в них на гитаре… То есть мне нравилось постоянно музицировать, сцена влекла непреодолимо, аплодисменты, успех, вся эта атмосфера… Естественно, изначально я должен благодарить родителей за выбор моей стези, поскольку, если бы мама однажды не услышала о дополнительном наборе в хорошую музыкальную школу, кто знает, как бы все обернулось. А так я три года провел в этой школе, после чего поступил в музыкальное училище.

- Однако довольно скоро поменяли кларнет на саксофон. По каким критериям совершили судьбоносный выбор «спутника жизни»?

- Во-первых, в нашем музыкальном училище уже тогда открыли джазовое отделение. И я оставил кларнет потому, что мой темперамент не выдерживал классических канонов музыки. Правда, сначала я хотел играть на барабанах и совсем не думал о саксофоне. А потом раз попробовал и был изумлен, как мощно, красиво он звучит… Вдобавок, руководитель самодеятельного вокально-инструментального ансамбля в местном Доме культуры сказал мне: «Какой ты гитарист я не знаю, а вот саксофонист из тебя может выйти отличный!». Я к нему прислушался, тем более тогда у всех на слуху было имя великого российского саксофониста Геннадия Гольштейна. И этот человек-легенда у нас преподавал, вызывая всеобщее восхищение.

То, что саксофон — это точно мое, я понял уже на первом уроке с Геннадием Львовичем. До этого со мной так никто не разговаривал. Надо сказать, я стремился на Запад, слушал «Голос Америки», но при этом нигде не находил поддержки своих интересов — даже родители мои опасались всех этих «вражеских голосов», а тут мы с ним сразу же заговорили на одном языке.

Музыкант на открытии фестиваля в Баден-Бадене. Фото Леонида ЛАНЦМАНА.

- Знаю, что в свободное от музыки время вы активно занимаетесь спортом…

- Да, два раза в неделю обычно играю в футбол. Или в хоккей. Оттого я пошел в проект Первого канала российского телевидения, где люди катались на фигурных коньках. Константин Эрнст меня пригласил, а поскольку я дружу с Ильей Авербухом, то я, конечно, согласился недолго поучаствовать в этом шоу. В итоге задержался там даже на больший срок, чем ожидал. Я старался, и мой спортивный дух не разрешал мне проигрывать на первых этапах. Опыт я получил колоссальный! И соревноваться с чемпионами мира было захватывающе!

- Что заставило пойти к Авербуху? Вы джазмен, а проект вроде, как бы помягче выразиться, попсовый… Где для вас пролегает черта между академичностью и попкультурой?

- Авербух увидел, как я катаюсь на коньках, и предложил выступить. А я, в свою очередь, решил поддержать его, ведь это было в самом начале его проекта. Кроме того, просто хотелось покататься вместе с чемпионом мира, посоревноваться. Даже и не рассчитывал на такой громкий успех, причем не только как участника шоу, но и музыканта. Приятно и то, что люди внимают музыке человека, который только что катался на коньках. При этом увеличилось и число поклонников моей музыки.

Нужно не быть снобом, относиться к жизни проще. Ведь, попса пользуется всеми способами, чтобы пробиться и донести себя до ушей широкой публики. Так зачем же нам отказываться от подобных возможностей? Многие думают, что джазовые музыканты — очкарики и хлюпики, очень далекие от народа, которые думают исключительно о музыке, и о том, как эту музыку сделать сложнее.

- А вы не согласны с тем, что это элитарное искусство, для избранных?

- О чем вы говорите! Помню, что выступали в Сочи, так там на наших бесплатных концертах в парке собиралась совершенно разношерстная публика.

- А когда вы едете в машине, что обычно слушаете?

- Естественно, джаз. Еще классику и рок, но очень выборочно. И я понимаю людей, которые, слушая свою любимую музыку на полную громкость, открывают окна в автомобиле — они хотят ею поделиться с другими. Я так, разумеется, не поступаю, поскольку отдаю себе отчет, что не все разделяют мой вкус. Правда, ехал я тут как-то по Индии и открыл окна, но быстро понял: в этой местности я со своим джазом выгляжу как идиот, поэтому не стоит выпендриваться.

Александр ПАВЛОВ.
Ирина ФРОЛОВА.